

ОТЗЫВ

официального оппонента Кековой Светланы Васильевны
о диссертации Царёвой Ольги Александровны
«Поэтический мир Арсения Тарковского: основы субъектной организации»,
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических
наук по специальности 5.9.1 Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

В современной филологической науке – как в литературоведении, так и в лингвистике, одной из актуальных проблем является проблема субъектной организации поэтического мира в целом и поэтического текста в частности. Появилось значительное количество работ, посвящённых особенностям субъектной организации в лирике Иннокентия Анненского, Льва Гумилёва, Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Владислава Ходасевича, Иосифа Бродского, Булата Окуджавы и многих других поэтов, включая поэтов конца двадцатого – первым двум десятилетиям двадцать первого века. Появились и обобщающие работы, связанные с данной темой, – к примеру, докторские диссертации Т. Савченко «Субъектный строй русской лирики» и А.С. Бокарёва «Поэтика русской лирики второй половины XX - начала XXI века: субъектные структуры и образный язык». Однако до сих пор не было работы, посвящённой целостному анализу субъектной организации поэтического мира одного крупнейшего поэтов двадцатого века Арсения Тарковского. Диссертация Ольги Александровны Царёвой посвящено именно этой теме, что свидетельствует об **актуальности** выбранного аспекта исследования. Целью диссертации, согласно авторской формулировке, является «создание целостной картины поэтического мира Арсения Тарковского с помощью выявления субъектной организации поэтического мира, а также значимых образов, мотивов и пространственных полей поэтической вселенной» (с.12 диссертации). Это масштабная задача, однако, заметим, что выполнить её затруднительно, опираясь только на выявление особенностей субъектной

Ярославский государственный
педагогический университет
Вх. № 68-03/445
Дата 04.06.2024г.

организации. Задачи, вытекающие из особенностей цели исследования, интересны, многообразны и многоаспектны, методологическая основа диссертации, как она сформулирована в работе, основана на широком круге трудов не только выдающихся филологов, но и на трудах философского плана. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что автор, выстраивая методологическую базу и основу исследования, представляет следующий ряд философских трудов: «труды античных философов, теоретиков структурализма, пантеизма и субъектно-объектной онтологии,...а также русских религиозных философов». Во-первых, не названы имена античных философов, которые являются важными для диссертантки, в то время как имена Р. Барта, Ж. Делёза, Б. Латура, Г. Хармана, а также Н. Бердяева и П. Флоренского называются. Не совсем понятно, что такое субъектно-объектная онтология; насколько мы понимаем, существует объектно ориентированная онтология (Г. Харман) (о чём и пишет автор диссертации на 30 странице исследования) и субъектная онтология. Во-вторых, в указанном ряду философских течений присутствует термин «пантеизм». Пантеизм никак не может быть методологической основой исследования; в процессе исследования можно прийти к заключению, что в художественном мире того или иного автора могут присутствовать пантеистические мотивы, однако пантеизм как философское учение, отождествляющее Бога и мир, вряд ли можно использовать в исследованиях подобного рода.

В теоретическом плане, как показывает автор диссертации в первой главе своего исследования, сама проблема лирической субъектности возникает после того, как Ю.Н. Тынянов вводит в филологический оборот термин «лирический герой»; однако это понятие не покрывает всех способов воплощения личности в поэтическом тексте, и важнейшей для автора диссертации является мысль Л.Я. Гинзбург о том, что в творчестве многих поэтов личность явлена как «призма авторского сознания». Именно мир, трансформированный и преображённый Тарковским, анализируется автором диссертационного исследования в практической части работы.

В целом в теоретической части исследования мы видим, что диссертантка разворачивает перед читателем целый калейдоскоп подходов к проблеме субъектности; эта часть работы выстроена логично и непротиворечиво. Конечно, можно было бы вовлечь в проблемное поле такие употребляющиеся в разных работах, посвящённых проблеме воплощения личности, термины, как «категория персональности», «я говорящее» и «я чувствующее», понятия «метасубъект», «метасубъективность», «трансубъективность» и другие, однако это просто пожелание, которое, возможно, воплотится в дальнейшей работе диссертантки.

Субъектные основы поэтического мира, ту самую «призму», сквозь которую читатель воспринимает мир автора, анализируются в одноимённом параграфе. Диссертантка убедительно показывает разные способы взаимодействия «субъекта и объекта» (объектами, как показывает автор диссертации, могут быть и «реальные» персонажи, и мифологические, и мир «малых сих» - бабочек, мотыльков, сверчков, кузнечиков и т.д.) - здесь и «духовное родство» (с Анджело Секки, Винсентом Ван Гогом), и порыв к «внутренней свободе» (Овидий, Сковорода), и «желание стать идеальным поэтическим инструментом». Интересны и отдельные наблюдения автора диссертации, и в целом описание субъектной структуры поэтического мира. Хотелось бы только отметить, что Ольга Александровна Царёва высказывает мысль о том, что «антропоцентрическая позиция» (а поэт декларирует её в самых разных стихотворениях; афористически она выражена в строках «Я человек, я посредине мира / За мною мириады инфузорий, / Передо мною мириады звёзд») «противоречит драгоценной для Тарковского идее абсолютного равенства всего в мире» (с. 32 диссертации). Автор диссертации пишет: «Поэт анализирует привычную антропоцентричную картину мира и отказывается от нее в пользу иного, не ограниченного субъективным взглядом». Первое, о чём хотелось бы сказать в связи с этой очень важной для понимания основных констант поэтической вселенной Тарковского проблемой: поэт *не анализирует* антропоцентрическую картину мира, а

являет её в самых разных стихотворениях и в творчестве в целом (курсив наш – С.К.). Поэтическая идея «равенства» («...Вас, для кого я столько жил на свете, /трава и звёзды, бабочки и дети») не отменяет иерархии – и с нашей точки зрения, две этих позиции вовсе не противоречат друг другу, поскольку мировоззрение и мировосприятие Тарковского теоцентрично, а не антропоцентрично; в теоцентрическом мировоззрении человек действительно находится в центре созданного Богом мира, но всё сотворённое в глубине своей содержит связь с высшими началами бытия. Только с этой точки зрения можно выявить закон существования и глубинной связи человека и сотворённых существ; не случайно одной из важных тем в поэзии Тарковского является открытие поэтом «Адамовой тайны» – тайны наречения имени как открытия сокровенного логоса того или иного существа или явления.

Одно из положений, выносимых на защиту автором диссертационного исследования, состоит в том, что доминантной категорией для понимания творчества Тарковского является категория «поэтического мира». Именно поэтический мир, который определяется как совокупность реального и идеального пространств, каждое из которых состоит из нескольких хронотопов, анализируется во второй главе диссертации. Если отвлечься от того факта, что термин «хронотоп» зачастую употребляется в диссертации в метафорически-расширительном значении (например, «любовный миф», с точки зрения автора, является хронотопом), следует отметить, что в целом очертания поэтического мира в его пространственно-временной перспективе рассмотрены любовно и подробно. В связи с мыслью автора о том, что «лирический субъект» являет нам мир реальный и мир идеальный, возникает вопрос: связано ли такое свойство поэтической вселенной, созданной Тарковским, с идеей романтического двоимирия?

Ещё один вопрос касается проблемы интерпретации автором Диссертации хронотопа «мира реального». На стр.53 - 54 диссертационного исследования мы читаем: «Мир, в котором вынужден существовать субъект

или в котором обитают его герои, наполнен страхом, насилием, несправедливостью»; «В описанном мире нет ничего, кроме боли, насилия, крови, абсолютной власти и её произвола». Подобные определения встречаются в разных вариациях, однако, например, в стихотворении «И я ниоткуда» Тарковский пишет: «А сколько мне в чаше / Обид и труда... /И после сладчайшей из чаш – никуда?». Таким образом, в этом стихотворении (как и во многих других) «мир реальный», несмотря на все муки, которые посланы человеку, - это «сладчайшая из чаш». Может быть, следовало бы отказаться от жёсткого противопоставления «мира грёз» и «мира реального»? Ведь и в хронотопе детства, и в хронотопе дома, и в «любовном мифе» которые проанализированы Ольгой Александровной Царёвой с глубоким пониманием и проникновением в сокровенные глубины поэзии Тарковского, реализуется не только «концепт рая», не только «мир счастья и защищённости» (по терминологии диссертантки), но и трагизм любой человеческой жизни, потому что рай детства утрачивается, «рай» любовного мифа, как мы помним, в стихотворении «Первые свидания» взрывается последними строками («Когда судьба по следу шла за нами / Как сумасшедший с бритвою в руке»). Хотелось бы ещё поправить автора диссертации в том отношении, что почему-то стихотворение Тарковского «Как сорок лет тому назад» входит в перечислительный ряд стихов о детстве, хотя в следующем параграфе своей работы «Любовный миф» Ольга Александровна совершенно справедливо пишет о том, что оно посвящено первой любви Тарковского Марии Густавовне Фальц.

Ещё одно замечание связано с терминологическими дефинициями и носит оценочный характер. Понятно, что в работе, посвящённой основам субъектной организации поэтического мира, термин «субъект» необходим. Однако в процессе анализа конкретных стихотворений такие высказывания, как «Тарковский заморожен личностью Сковороды, но в поэтическом мире философ воплощает недостижимый для субъекта идеал» (с.84 дисс.), или: «Ближе субъекту изгнанный и скорбящий о своём изгнании Овидий» (там

же), или: «В стихотворении «Первые свидания» субъект грезит наяву» (с.93) разрушают целомудрие читательского восприятия поэтического мира Арсения Тарковского. Язык филологического описания, с нашей точки зрения, должен быть хотя в некоторой степени конгениален языку поэта. И такие примеры, безусловно, есть. Так, автор двух книг о поэзии Арсения Тарковского Наум Ааронович Резниченко в предисловии к тому прозы и писем Тарковского (автор диссертации почему-то не привлекает этот том: Тарковский А.А. Проза. Письма /М.: Издательство « Литературный музей». 2021. – 896 с.) пишет о «светоносных стихах» Арсения Тарковского и формулирует духовную сверхзадачу его поэзии как «преодоление смерти. и обретение личного и общечеловеческого бессмертия». Совершенно невозможно представить себе употребление термина «субъект» в подобном контексте. Более приемлем термин «лирический субъект» или «лирическое я», и, к счастью, всё-таки именно это словосочетание чаще употребляется в диссертационном исследовании. В целом в анализируемой второй главе диссертации, где представлено описание структуры поэтического мира Тарковского, достаточно убедительно доказываются 4-ое, 5-ое и 6-ое положения, выносимые на защиту. Последнее, 7-е положение в большей степени раскрывается в третьей главе диссертационного исследования (она имеет название «Взаимообусловленность лирического субъекта и мира»). В ней представлен очень важный аспект поэтики Тарковского, который анализируется в двух параграфах главы. Следует обратить внимание на некоторое несоответствие формулировок в задаче, которую автор диссертации определяет следующим образом: «рассмотреть способы взаимодействия лирического субъекта и поэтического мира». Название главы, таким образом, имеет прямую корреляцию с поставленной задачей. Однако положение, выносимое на защиту, звучит по-другому и выражает другую мысль: «Важнейшим мотивом Тарковского является взаимодействие *объекта, наделенного субъектными функциями*, с миром. Особенно интенсивным и продуктивным является взаимодействие через труд» (курсив

наш – С.К.). Таким образом, читатель диссертации вправе ждать последовательно явленного раскрытия мысли о том, как объект, наделённый субъектными функциями, входит в процесс взаимодействия с миром. В поэтическом мире Тарковского действительно можно найти «объекты», наделённые «субъектными функциями». Так, например, в стихотворении «Степь» таким «объектом» является земля («Земля сама себя глотает / И, тычась в небо головой, / Провалы памяти латает / То человеком, то травой»). Но демонстрации этой идеи, явленной в конкретных текстах, в главе практически нет. Есть интересные наблюдения, связанные с прямо противоположным смысловым процессом: автор диссертационного исследования находит в поэтическом мире Тарковского примеры превращения лирического субъекта в объект, как это происходит в стихотворении «К стихам». Однако глава всё-таки посвящена другому, а именно взаимодействию лирического субъекта с окружающим миром. Эта задача выполнена на достойном уровне.

Выводы, к которым приходит Ольга Александровна Царёва в результате исследования специфики субъектной организации поэтического мира Арсения Тарковского, обладают достоверностью и научной новизной.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в шести статьях, четыре из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК. К сожалению, автор диссертации в качестве апробации работы указывает только опубликованные статьи, но не указывает конференций, в которых Ольга Александровна Царёва принимала участие.

Высказанные нами замечания и заданные вопросы приглашают автора диссертации к дискуссии, они не отменяют значимости основных положений диссертации, в которой ставятся и решаются важные проблемы как теоретического, так и практического плана.

Проведённый нами анализ позволяет утверждать, что диссертация Царёвой Ольги Александровны на тему «Поэтический мир Арсения Тарковского: основы субъектной организации» является законченной

